

Мир на ощупь. История о стойкости и решимости молодого человека, потерявшего зрение из-за врачебной ошибки

Автор:

Сэнфорд Д. Гринберг

Мир на ощупь. История о стойкости и решимости молодого человека, потерявшего зрение из-за врачебной ошибки

Сэнфорд Д. Гринберг

Книги-консультанты по вашему здоровью

В 1961 году двадцатилетний Сэнфорд Гринберг потерял зрение из-за врачебной ошибки. Он обратился к врачу с жалобой на аллергию, и тот назначил ему глазные капли. Регулярное их применение привело к повреждению зрительного нерва. Несмотря на это, он нашел в себе силы прорваться сквозь тьму и превратить свой мир в профессиональный успех. Сэнфорд получил блестящее образование, построил карьеру, преуспел в личной жизни, а также многое сделал для улучшения жизни других незрячих людей.

Это поучительная книга остроумного, благородного и выдающегося человека, который покажет вам, как по-настоящему прожить жизнь, даже если все, что ты видишь это тьма.

СЭНФОРД Д. ГРИНБЕРГ – американский изобретатель, писатель и филантроп. Почетный попечитель Университета Джона Хопкинса, учредитель премии за исследования, направленные на предотвращение появления слепоты у всего человечества.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Сэнфорд Д. Гринберг

Мир на ощупь. История о стойкости и решимости молодого человека,
потерявшего зрение из-за врачебной ошибки

Будь у меня небесные покровы,

Расшитые и золотом, и серебром,

И синие, и бледные, и темные покровы,

Сияющие утром полночным серебром.

Я б их устлал к твоим ногам.

Но я – бедняк, и у меня лишь грезы...

Я простираю грезы под ноги тебе.

Ступай легко, мои ты топчешь грезы.

Уильям Батлер Йейтс (пер. Дианы Ахматхановой)

© ООО "Издательство «Эксмо», 2022

© Шустова А., перевод на русский язык, 2022

Предисловие

Через несколько дней после окончания срока полномочий суда состава 2010–2011 годов меня посетил Сэнди Гринберг, мой добрый сосед по Уотергейт-саут. Год назад он пришел ко мне, чтобы просто посмотреть, как я справляюсь на работе после смерти мужа. Сэнди заботливый человек. Но сейчас он пришел, чтобы попросить об одолжении. Сэнди написал книгу, в которой размышлял о необычайном течении своей жизни. Он попросил меня прочитать рукопись и, возможно, написать краткое предисловие. Всю следующую неделю я проводила каждый свободный час за чтением автобиографии Сэнди. Часто его воспоминания вызывали у меня улыбку, а иногда и слезы. С первой и до последней страницы я была очарована светлым живым умом и неукротимым духом моего соседа.

Снимок Сэнди в 1958 году в возрасте семнадцати лет: умный, спортивный, президент старшего класса в Буффало, штат Нью-Йорк, старшекласник и член школьного совета, трубач, хороший парень. В том же году он поступил в Колумбийский университет на полную стипендию. Там он преуспевал в учебе, заводил настоящие дружеские отношения и исследовал этот город.

В ПОСТОЯННОЙ ПЕРЕПИСКЕ ОН РАССКАЗЫВАЛ О ЗНАКОМСТВЕ ЕЩЕ В ШЕСТОМ КЛАССЕ С ДЕВОЧКОЙ, КОТОРАЯ В БУДУЩЕМ СТАЛА ЕГО ЛЮБИМОЙ ЖЕНОЙ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНКОЙ УЖЕ ПОЛВЕКА.

В девятнадцать лет, на третьем курсе Колумбийского университета, Сэнди ослеп. Первоначальное отчаяние из-за полной потери зрения быстро сменилось яростной решимостью сделать так, чтобы ничего не замечали, не считали его всю жизнь слепым, и он хорошо справлялся. У Сэнди не было ни собаки, ни даже трости. «Если бы вы увидели меня в коридоре Уотергейта[1 - «Уотергейт» (англ. Watergate) – архитектурный ансамбль в Вашингтоне, включающий отель, два административных здания и три жилых здания. Построен в 1962 году. Расположен между рекой Потомак и Вирджиния-авеню. Стал широко известен после скандала, который привел 9 августа 1974 года к отставке американского президента Ричарда Никсона, единственной в истории США.], – заметил он, – вы бы не поняли, что я слепой». Именно так. Когда в 1980 году мы купили квартиру в Уотергейте, через два дома от жилища Сэнди и Сью, мне сказали, что у него плохое зрение. Он мог видеть очертания, но не лица; носил толстые очки, которые увеличивали изображение. Я поверила в то, что мне говорили.

Прошло с полдюжины лет, прежде чем я узнала суровую правду. В 1986 году я слышала, как Сэнди сказал толпе доброжелателей: «Я слепой». Поводом послужило его выступление в качестве стипендиата Университета Брандейса на праздновании в Вашингтоне[2 - В своем выступлении в тот вечер Сэнди говорил о том, что вдохновение он черпал у Луиса Дембица Брандейса, чье зрение испортилось во время студенческих лет в Гарвардской юридической школе. Чтобы справиться с этой проблемой, Брандейс нанял сокурсников, чтобы они читали ему. Он тренировал память, впитывая услышанное. А когда его зрение улучшилось, он стал ходить по комнате, стараясь «меньше читать и больше думать». (Луи Брэндайс (англ. Louis Dembitz Brandeis; 1856–1941) – американский юрист, в честь которого назван Брандейский университет. Член Верховного суда Соединенных Штатов с 1916 по 1939 г.)]. Сэнди мог наконец публично признать свою слепоту, потому что снова и снова доказывал, что развил другие способы видеть мир. Идеи и образы, рожденные в его сознании, породили изобретения, и среди них самое главное – машину сжатия речи, которая ускоряет воспроизведение слов из записей, не искажая никаких звуков. Его подвижный ум также спланировал череду хорошо продуманных и впечатляюще прибыльных деловых предприятий.

В размышлениях у Сэнди есть главная тема. Лишенный зрения (из-за неоднократной постановки неправильного диагноза офтальмолога в его родном городе), он считает себя самым счастливым человеком в мире. «Как это может быть?» – скорее всего, сразу же спросит читатель. Сэнди пишет о том, что было для него опорой: о семье, наследии, друзьях, образовании в Колумбийском, Гарвардском и Оксфордском университетах; о стипендии в Белом доме, которая помогла установить дружеские отношения с важными лицами в правительстве, торговле и искусстве; о службе в Национальном научном совете и других многочисленных руководящих органах; о трех детях и теперь уже четырех внуках; и прежде всего о своем браке со Сью, чья любовь и поддержка дают ему силы.

И все же, по словам Сэнди, что-то большее объясняет его хорошую жизнь, что-то, что не свойственно зрячим людям в такой же степени. Сэнди называет это своей осознанной жизнью в уме, в котором мысли множатся и собираются «без помех постоянным потоком визуальных чувственных образов». Эта особая способность помогла ему испытать радость жизни и внести огромный вклад в благополучие других людей.

Когда он сидел на больничной койке в Детройте в феврале 1961 года, его незрячие глаза увлажнились от лекарств, Сэнфорд Д. Гринберг заключил сделку с Богом. Если Господь вытащит его из этой дыры, поклялся Сэнди, он сделает все, что в его силах, чтобы другие не пережили такого же горя в будущем. Он выполнил это обещание, направив всю свою энергию на разработку технологии регенерации зрительного нерва. С той же целью его твердая рука находится у руля Института офтальмологии Уилмера при Больнице Джонса Хопкинса. Эти усилия и множество других инициатив pro bono[3 - Pro bono – оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям на безвозмездной основе.] являются причиной для «большой вечеринки», которую Сэнди устраивает в своих «играх мечты», воображаемых им, и с размахом описывает в одной из глав этой книги.

Сэнди будет играть на прекрасной трубе, которую подарила ему Сью, а его однокурсник по Колумбийскому университету и приятель Артур Гарфанкел, с которым он знаком почти всю жизнь, будет петь. Древнегреческий хор будет подхватывать и продолжать. Там будут все кто угодно, включая святых, грешников и законодателей, ученых и государственных деятелей, философов и художников, артистов и торговых магнатов. Мы с мужем, заметят внимательные читатели, тоже наслаждаемся вечеринкой. В моем собственном продолжении мечты Сэнди я могу выбрать людей, за которых поднять тост: Элеонора Рузвельт, Джордж Гершвин, Элла Фицджеральд и огромное количество других замечательных людей. Минуя светила в огромном зале, я поднимаю бокал за Сэнфорда Д. Гринберга, который выбрал жизнь во всей ее красе. Лехаим[4 - Лехаим – слово в иудаизме, традиционно произносимое перед тостом. Буквально значит «за жизнь».] Сэнди, выпьем за тебя и Сью. Вы устроили впечатляющее шоу. Пусть таких праздников жизни будет еще много.

Судья Рут Бадер Гинзбург

Вступление

Даже это нам будет приятно вспомнить – все Божьи дары жизни, сияющие от рождения до смерти. За жизнь! За все это. За слепоту и экзальтацию.

Я узнал его первым на ступенях Гамильтон-Холла. Мы выходили из гуманитарного класса в Колумбийском университете. Это был 1959 год. В тот год я видел, как он играл в баскетбол – мощный центровый[5 - Центровой (англ. Center), или пятый номер, – позиция игрока в баскетбольной команде. Самый высокий игрок в баскетбольной команде (рост современных центровых, как правило, 210–220 см и постепенно снижается в сторону менее высоких, но более быстрых и координированных игроков), основная задача – игра под кольцом, подбор мяча.], настоящий бык. Теперь, выходя из класса профессора Геталя, этот могучий человек ростом 188 см стоял рядом со мной, плечом к плечу. Я чувствовал его двойственность, нежную и могущественную. Он говорил с мягкой звучностью. Нас только что поразили Ахилл, герой «Илиады». Может ли такое искусство, такое героическое измерение иметь отношение к нашему будущему? Ему нравилось, что я отношусь ко всему живому как к драгоценности. Я остановился, чтобы насладиться красотой света, когда солнце осветило участок насыщенно зеленой травы. Америка еще не стала фанковой[6 - Фанк – одно из основополагающих течений афроамериканской музыки. Термин обозначает музыкальное направление, наряду с соулом составляющее ритм-энд-блюз. Формирование фанка началось в 60-х годах в противовес растущей коммерциализации ритм-энд-блюза.]. Фанк еще не родился. Это была любовь от мгновения к мгновению. Мы были благодарны. Судьба намечена, характеры поменялись, мы разделили нашу судьбу как соседи по комнате.

Это был наш город, наша дружба. Мы – те, кто не может смотреть на все достаточно пристально. Что же это такое, как не сияние? Постепенно, на первом курсе, у Сэнди начала развиваться глаукома. Вот я и читал ему. Это было вполне естественно. Следуйте за сердцем даже через подобные испытания. Слезы затуманивают глаза, приятная нерешительность – существовать или свернуться калачиком в утробе матери. У нас была своя комната, четыре на шесть метров, мы молились у окна, его каштановые волосы блестели.

Соскользнуть с берега и плыть в расширяющемся потоке нашей истории, вновь озаренной звездами в тайне взаимной любви, которую мы храним в ночи...

Человек, который пишет эту книгу, – настоящий мужчина. Я был глубоко тронут, прочитав, как Сэнди говорил обо мне в этой великолепной автобиографии. Я краснею, обнаружив себя в его творении. Мой друг – это золотой стандарт порядочности. Я стараюсь быть его кантором[7 - Кантор – в синагоге: главный

певец псалмов.], таллисом[8 - Таллис – покрывало, надеваемое евреями во время утренней молитвы.], который оберегает его.

Арт Гарфанкел[9 - Артур Айра Гарфанкел – американский певец, актер, путешественник и писатель, с 1957 по 1970 год выступавший в дуэте с Полом Саймоном под названием Simon and Garfunkel. Все песни для этого проекта писал Саймон, основным вкладом Гарфанкела был его чистый, высокий голос.]

1

День и ночь

Незнакомец в поезде

Я сел в поезд и положил перед собой чемодан. В городе было очень холодно. Ледяной воздух ворвался в вагон, словно приведение, и заставил меня плотнее закутаться в куртку. Раздался гудок, и поезд плавно, словно по воздуху, тронулся с места. От Нью-Йорка на север до Олбани восемь часов езды, потом на запад до Сиракуз и Рочестера и, наконец, до Буффало на восточном берегу озера Эри.

Мой разум обратился внутрь. Закрылась дверь между моим настоящим и будущим, которое до недавнего времени представлялось довольно ясным. Все еще был день, но для меня свет померк, я видел только облака и что-то похожее на кружащийся снег. Мне было очень тревожно: зрение все еще не пришло в норму и довольно быстро ухудшалось в последние месяцы. Я держал чемодан перед собой, как щит. Я обычно в шутку засовывал свою младшую сестру в него, когда мы играли. Но сейчас я молча заплакал.

Подошел мужчина и спросил, можно ли ему сесть напротив меня, хотя вагон был почти пуст. Я хотел отказать, но ответил «да». Меня учили быть вежливым со старшими, а по его голосу я понял, что он лет на двадцать-тридцать старше

меня. Через некоторое время он спросил, почему я плачу.

– Ничего страшного, – ответил я.

– Могу я чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Нет, сэр.

– Я врач, – настаивал он. – Вы больны?

– Нет. Ну, вроде того.

– Я хирург-ортопед. Был в городе на конференции.

– О, у меня просто проблема с глазами. Аллергия.

– Ах. Ну, я заметил, что они слезятся.

Смущенный и немного встревоженный, я вытер глаза.

– На этом съезде, – продолжал доктор, – было столько ортопедов, сколько никогда не увидишь в одном месте. У врачей моей специальности плохая репутация. Говорят, мы мясники. Но дело совсем не в этом. Да, мы занимаемся в том числе и грубой работой. Но с развитием технологий она становится более тонкой. Дело ведь не только в починке сломанных костей.

Я НЕ ХОТЕЛ СПРАШИВАТЬ ВРАЧА, ЗНАЕТ ЛИ ОН ЧТО-НИБУДЬ О ТОМ, КАК ЛЕЧАТ ГЛАЗА – НА САМОМ ДЕЛЕ Я НЕ ВЕРИЛ, ЧТО МОИ ГЛАЗА БОЛЬНЫ. НО ОНИ ЯВНО НАХОДИЛИСЬ В ОПАСНОСТИ. (НА САМОМ ДЕЛЕ ОНИ УМИРАЛИ.)

Ортопед продолжал:

– Моя жена не любит, когда я уезжаю. Она ужасно волнуется.

Я молча кивнул: «Да».

– У тебя есть девушка?

– Да.

– Как ее зовут?

– Сью.

– Какое милое имя. Она живет в Буффало или в Нью-Йорке?

– В Буффало. С родителями.

– Она еще учится?

– Да.

– Вот и славно. Хотя, наверное, тяжело быть вдали от своей любимой.

Я вспомнил все письма, которые мы писали друг другу.

– Да, – отозвался я, – это трудно.

– Ты уверен, что все в порядке? У тебя глаза покраснели и слегка припухли.

Я ощутил, как доктор придвинулся поближе, чтобы рассмотреть мое лицо. Я чувствовал себя уродливым и пристыженным. Не раздумывая, я толкнул свой чемодан коленом, чтобы увеличить расстояние между нами.

Поезд шел теперь по сельской местности вдоль Гудзона в сторону Олбани. Мы находились вне времени. Деревенский воздух должен быть освежающим, но окна закрыты. Земля, насколько я мог видеть, была покрыта снегом и, казалось, простиралась бесконечно далеко.

Доктор достал бутерброд с арахисовым маслом и желе. Маленький пакетик цельного молока. Сладкое печенье. Я уловил все эти запахи и, хотя все еще был уверен, что моя проблема будет решена, все равно задавался вопросом, улучшатся ли у меня обоняние или мышление. Я только что бросил университет в середине выпускного курса, не сдав экзамены. Мои оценки будут ужасны, но, возможно, найдется какой-то выход, поскольку у моей проблемы с глазами, безусловно, есть медицинское объяснение. И она, конечно, излечима. Нужно будет просто получить медицинскую справку.

Еще я беспокоился о маме и своих близких. Отец умер, когда я был еще совсем маленьким мальчиком, и мне пришлось стать главой семьи. Хотя мать снова вышла замуж, я чувствовал – а точнее знал, – что все в семье смотрят на меня снизу вверх, и прекрасно понимал, что должен быть сильным. Но этот последний эпизод нарушил все планы. Я еще не сказал маме, как все плохо, но по возвращении домой мне придется это сделать. Возможно, я просто скажу ей прямо, что временно потерял зрение, но, похоже, все возвращается в норму. По крайней мере, я на это надеялся.

– Я бы предложил тебе свой обед, – сказал врач, когда поезд тронулся, – но не уверен, что ты его примешь.

– Нет, нет, спасибо, – отказался я.

Я не стал спрашивать доктора, почему он думает, что я не приму обед.

– У тебя есть что-нибудь поесть? Перекусить? Шоколадный батончик? Я думаю, ты можешь купить его, если захочешь. Они продаются в поезде.

Я знал об этом, но мне не хотелось вставать и идти по проходам.

ЗРЕНИЕ ВСЕ ЕЩЕ БЫЛО ДОВОЛЬНО МУТНЫМ. НА ДУШЕ БЫЛО ТЯЖЕЛО. ЭТА КРАЙНЯЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ ПОКАЗАЛАСЬ МНЕ ПОЗОРНОЙ.

– Мне не нравится, когда молодой человек голодает, – настаивал доктор.

– Я не голоден, сэр. Вообще-то я в порядке. Спасибо.

– И все же...

– Правда, все в норме.

Доктор отломил половину печенья.

– Вот, – сказал он, – возьми половину. Я не могу видеть, как ты сидишь голодным.

– Нет, не надо, – возражал я. Появилось ощущение, будто в горле что-то застряло.

– Пожалуйста, – продолжал доктор. – У меня есть сын. Меня бы ужасно расстроило, если бы он голодал. Это такая долгая поездка. И я вижу, что ты собирался в спешке.

– Я в порядке, сэр. Все хорошо.

– Пожалуйста, – повторил врач, и в этой последней просьбе слышалось отчаяние.

Я не ответил, но он наклонился вперед, держа в руках половину печенья. Я почувствовал это и не смог удержаться, чтобы тоже не наклониться немного вперед, прижав длинные ноги к чемодану. Я открыл рот, и доктор положил туда печенье. Я откусил кусочек – сладость казалась почти невыносимой. Желудок был совершенно пуст, и сахар в печенье, как только я проглотил его, моментально подействовал. Я чувствовал себя так, словно пробежал длинную дистанцию и теперь был дома, расслабленный, мышцы ныли, но это была приятная боль.

Доктор взял мою руку, раскрыл ее, положил остаток печенья на ладонь и сомкнул мои пальцы вокруг него.

– Пожалуйста, доедай, – сказал он. – Если бы ты был моим сыном, мне бы этого очень хотелось. Мне будет плохо, если ты откажешься. Я хотел бы, чтобы мой мальчик поступил именно так.

Я повиновался. Я был ужасно голоден и быстро съел остаток печенья. Меня охватила эйфория.

ГЛАЗА ГОРЕЛИ, И БЫЛО ТАКОЕ ЧУВСТВО, БУДТО КТО-ТО СМАЗАЛ ИХ МЕНТОЛОМ.

– Я рад, что ты поел, – сказал доктор.

– И я тоже.

– Еда – это великая вещь. На самом деле. Я врач и знаю это.

– Что со мной происходит? – спросил я.

– Не знаю, – ответил он, хотя это была явная ложь. – Я понимаю только, что кости растут, а потом перестают. Иногда они ломаются, а мы их сращиваем. Они обладают такой способностью. У них есть память. Тело помнит определенные вещи.

– У меня такое чувство, что я ничего не помню, – сказал я.

Подошел кондуктор и объявил, что поезд прибывает в Скенектади.

– Это моя остановка, – сказал врач.

Отвлечшись, я спросил его: «Где мы?» Я не помнил ни о путешествии, ни о том, как оказался в том месте, где находился.

– Мы в Скенектади. А теперь мне пора. С тобой все будет в порядке?

– Да, – ответил я. Тогда я искренне верил, что так и будет, однако подозревал, что все не так просто. Сердце щемило.

Доктор ушел, но произошедшее со мной дальше стало одним из тех экстраординарных событий, которые полностью захватывают разум.

Пространство передо мной, где только что сидел ортопед, теперь походило на вакуум – полное отсутствие. Я был один. Никого рядом. Никаких привычных звуков. Один на один с простым фактом, да, но также и наедине с грызущим страхом полностью потерять зрение. Мне показалось, что я попал в огромную темную пещеру, где завалило выход и уже заканчивается воздух. Охваченный внезапным приступом ужаса, я перестал замечать даже редкие тихие звуки, доносящиеся из остановившегося поезда. Мой разум застыл – там не было ничего и никого, как и вообще в моем мире. Не было никакого мира. Не было ни прошлого, ни будущего. Там была только моя ошеломленная, застывшая личность, одна. Желудок превратился в камень, и я уверен, что сердце перестало биться во время этого негативного прозрения – как долго это продолжалось, я не мог сказать.

Поезд тронулся с места.

– Хорошо бы вернуться домой, – повторял я снова и снова, пока поезд ехал в сторону Рочестера... Домой. Вот и хорошо. Там, на озере Эри, воздух такой чистый, а голландские вязаы на моей улице – отличное укрытие.

Навыки выживания

В ранние годы у меня был повторяющийся сон. Солнечный уик-энд в конце лета на Кристал-бич, к западу от Буффало в Канаде. Высокий, красивый отец в купальном костюме несет своего пятилетнего сына на спине примерно 18 метров от берега к озеру Эри. Голова отца заслоняет лицо сына. Человек с пляжа увидит только руки мальчика, сжимающие шею мужчины. Оба смеются, когда отец бежит по волнам. Он окунается вместе с сыном в озеро, и, когда вода обдала ребенка, мальчик начинает дрожать и радостно смеяться. Опасность возбуждает его: он никогда раньше не был в воде. Но в объятиях отца он чувствует себя защищенным.

Внезапно отец, все еще держа ребенка, поворачивается и толкает его к берегу. Мальчик поначалу удивлен. На берегу отец на мгновение колеблется – затем с жесткостью доски тяжело падает лицом вниз на твердый мокрый песок, вдавливая в него лицо мальчика. Тот переворачивает отца на спину и видит его остекленевшие и пустые глаза, кровь льется изо рта.

Отец умер. Мальчик сидит и тупо смотрит на меня.

Причина этого сна ясна. В 1946 году я впервые отправился на пляж. Позже в том же году умер мой отец. Он был портным, который с трудом находил время для детей, потому что изо всех сил старался держать на плаву мастерскую.

В последнее утро перед его смертью мы с младшим братом Джоэлом проводили папу до остановки трамвая и помахали на прощание, когда он уходил на работу. Позже нам сказали, что в обед он пошел в аптеку на углу, где упал и умер.

В тот вечер гроб стоял в центре нашей гостиной в Буффало, задрапированный черной бархатной тканью с вышитой звездой Давида – как будто это согревало его. Свечи, символизирующие божественную искру в человеческом теле, горели в красных стеклянных сосудах. Я коснулся гроба пальцами, играя на нем, как на пианино. Я сидел под ним, как хороший мальчик. Помню, как возился с расшитой тканью, свисавшей с гроба. Я знал, что все очень плохо, хотя и не понимал точно, почему. Я был напуган и сбит с толку.

А потом были похороны. Унылый серый день.

По кладбищу гулял ветер. Мы жались друг к другу, как крестьяне. Я стоял среди взрослых у места захоронения, не в силах понять смысл этой немой сцены – как, возможно, любой пятилетний ребенок. Земляные холмики окружали большую прямоугольную дыру в земле. Гроб стоял в стороне. Под мучительные рыдания собравшихся вокруг меня людей раввин начал читать молитву. Отца положили в землю. Гроб опустили почти до самого дна. Между ним и холодной землей было всего несколько сантиметров, но это пространство, как мне показалось, подтверждало, что он не совсем похоронен, а если так, то, возможно, и не мертв. Мы могли бы открыть гроб. Он мог выйти. Вылезай из могилы, возвращайся домой и прими душ. Пообедай и живи своей жизнью. И боль уйдет.

Затем тяжелые изношенные кожаные ремни, удерживающие гроб, отцепили и вынули. Потом произошло нечто еще более жестокое. Добровольцам вручили по лопате, и они по очереди бросали землю на гроб. Теперь я знаю, что еврейский народ считает этот поступок мицвой, добрым делом. Но тогда мне показалось наоборот. У меня было сильное желание прыгнуть в яму, чтобы спасти отца. И все же я стоял неподвижно, пока каждая новая горсть земли с глухим стуком падала на крышку гроба.

СМЕРТЬ ОТЦА ОПУСТОШИЛА МЕНЯ. ТЕПЕРЬ Я СТАЛ ГЛАВОЙ СЕМЬИ, ЧТО, ПОМНИТСЯ, ПРЕДПОЛАГАЛ ЕЩЕ В ДЕТСТВЕ.

Я чувствовал себя ответственным за мать, младших брата и сестру. Как такое могло случиться? Отец как мужчина и кормилец был неоспоримым главой семьи. Но теперь нас осталось четверо, и я был самым старшим мужчиной.

Также помню, как испытывал неприятное ощущение свободы. Да, было ужасное чувство потери, которое до сих пор живо в памяти, но, к счастью, был и противовес – рассеянное пугающее прозрение, что больше не было тех же барьеров и ограничений. Возможно, это был не более чем мой собственный способ пережить травму от внезапной смерти отца, но я помню этот странный безрадостный трепет и по сей день.

Проблемы моей матери были гораздо более очевидными. После смерти отца у нее осталось всего 54 доллара, чтобы содержать себя, меня, Джоэла и Рути, нашу шестимесячную сестру. В отчаянии она обратилась за помощью в Еврейскую Федерацию, и ей сказали, что окажут помощь, но только в том случае, если она согласится поместить детей в три отдельных детских дома. Эта мысль не только возмутила ее, но и воспламенила решимость никогда не позволять какому-либо учреждению или отдельному лицу ставить под угрозу целостность ее семьи. Чтобы поддержать нас, она стала работать продавцом в универмаге Саттлера, а затем на Бродвейском рынке, оба в Буффало.

Сара, моя мать, была тихим человеком и всегда держала меня за руку, когда мы пересекали железнодорожные пути, и удерживала меня, когда поезд с ревом проносился мимо. Она держала меня за руку, когда мы шли в синагогу. Она держала меня за руку всякий раз, когда мы переходили улицу, ездили на Ниагарский водопад, ходили в яблоневый сад или на Кристал-бич. Ее руки привыкли к тяжелому труду, в основном к более поздней работе по сборке деталей самолетов на заводе: слой жесткой кожи покрывал более мягкую. Мне следовало отпустить ее руку.

В 1950-х годах, пока мы с братом не окончили начальную школу, семья жила в мрачной квартире в восточной части города, в самом бедном районе Буффало. В

раннем детстве, после смерти отца, матери приходилось таскать нас с места на место. Мы понимали хрупкую природу своего существования. «Не мешай хозяину», – таково было вечернее кредо. Днем это было похоже на «тебя можно видеть, но не слышать». В конце концов мы сняли дом на Батлер-авеню, 163, в Ист-Сайде, но я продолжал испытывать тревогу по поводу нашей неопределенной жизненной ситуации, и эта тревога каким-то образом превратилась в особый страх перед слепотой и раком. В первом стихотворении, которое я написал, говорилось об ужасе каждого из недугов.

Помню, как стоял, держа маму за руку, на местной ритуальной бойне, когда она заказывала кошерную курицу – главное блюдо на ужин в пятницу вечером. Шойхет[10 - Шойхет – резник в иудейской общине.] отрубил птице голову прямо у нас на глазах. Кровь, струящаяся из ее шеи, стекала в корыто, а голова лежала на боку, как ни в чем не бывало, и смотрела на вас, как бы говоря: «Неужели это конец? Возможно ли это?» Я не смог выдержать это зрелище. Прежде чем мне стало плохо, мать вытащила меня на свежий воздух, где я тут же споткнулся о слепого нищего, сидевшего на тротуаре, скрестив ноги. Он был долговязым, сгорбленным, в грязной и рваной одежде, в слишком больших и разваливающихся ботинках и держал металлическую чашку. Его уставившиеся в никуда глаза были молочного цвета с маленькими черными пятнышками, а зубы – кривыми и гнилыми. Во всяком случае, таким я его запомнил, и с того момента вплоть до нынешнего дня именно в таком обличье он стал постоянным гостем в моих снах.

Парк возле дома был опасным местом. Бандиты обитали там даже днем и часто избивали нас просто для забавы. Ради развлечения мы ходили за наш дом, чтобы поиграть, – назвать эту жалкую маленькую территорию задним двором было бы неправильно. Мой двоюродный дед Абрахам, владелец дома, работал там, снимая металл со столбиков кровати, поставив ее над наковальней. Весь день этот седовласый старик склонялся над наковальней и лязгал зубами. Его усталая лошадь стояла в крошечной конюшне позади дома, вероятно, радуясь возможности отдохнуть от тяжелой дедовой тележки с мусором. Мы с Джоэлом должны были проявлять осторожность, чтобы не мешать деду Абрахаму.

Можно было слышать каждое слово в верхних комнатах всех домов по соседству – разговоры, в которые не всегда приятно быть посвященным.

В основном наши соседи были осторожны со словами, поскольку бежали от Холокоста. Хотя я был ребенком и не знал, что это такое, я чувствовал: что-то

стояло за этим немногословием. В общем, жизнь была будто в Темные века.

Мы с братом играли в футбол или бейсбол посреди улицы до раннего вечера. Погода стояла жаркая и душная, и нам это очень нравилось. Было слышно, как жужжат насекомые возле уличных фонарей. Старые соседские женщины, должно быть, сидели в домашних платьях и наблюдали за нами с веранд. Уилл Людвиг, старый слепой человек, тоже стоял и «наблюдал». Никто не знал, откуда он и чем занимается. Он просто стоял там в белой футболке и серых брюках, закатанных до бедер. Он был жутким, но добрым, как дружелюбный призрак. Если бы старик пропал, вы бы не заметили его отсутствия. Он всегда стоял на одном и том же месте, скрестив руки на груди, прямой и сосредоточенный, словно судья. Каким-то образом его присутствие смягчало резкий свет уличных фонарей. В какой-то момент мы поняли, что он больше не появляется по вечерам. Я не знаю, что с ним стало. Не слишком ли он жесток? Может быть.

Запах маминых холодных сливок и аромат ее духов. Вид ткани ее поношенного платья. Шуршание домашних туфель по деревянному полу. Мягкость ее голоса. Звуки потягивания чая и звон блюда. Усталый голос по утрам, спрашивающий, что бы я хотел на завтрак. Узор на оконных шторах в ее комнате. Радость от того, что я возвращаюсь с маленьким братом из синагоги после службы зимой, оказываюсь в тепле и покое, напевая «Шалом Алейхем», произнося благословения, сажусь и начинаю есть. Это были мелочи, которые поддерживали мой мир. Даже в те бедные дни было на что опереться.

Мама опекала мою любимую бабушку, Полину Фокс. Она родилась в Польше и пережила еврейские гетто, нищету и погромы. В восемь лет с ней произошел странный несчастный случай, в результате которого она потеряла левый глаз. Когда бабушка работала няней в Польше, из детской кроватки выскочила пружина и ударила ее в глаз. Она никогда не говорила о своей частичной слепоте, но поздними вечерами мы с Джоэлом видели, как она вынимает протез из глазницы и кладет его в комод. Иногда мы тайком открывали ящик, содрогаясь при виде призрака глаза, глядящего на нас.

Бабушка бежала от погромов в Польше, переселившись в Лондон, где управляла кондитерской лавкой в менее богатой части города. Вскоре после прибытия в Буффало в начале двадцатого века она заболела и оставалась в плохом состоянии до конца своей жизни. Единственное, что стояло между ней и

мыслями о смерти – это семья и еженедельный Шаббат[11 - Ша?ббат – седьмой день недели в иудаизме, суббота, в который Тора предписывает евреям воздерживаться от работы.]. Она и моя мать обычно закрывали глаза, когда зажигали свечи на Шаббат. То же самое мы делаем и сегодня спустя столько лет.

Болезнь бабушки, возможно, также была выражением одновременно облегчения и усталости, как когда марафонец падает после финиша. Она избежала смерти в Европе. Занималась мелким бизнесом в чужой и не особенно гостеприимной Англии, с новым для нее языком, и добралась до Соединенных Штатов через жестокий и капризный океан. Для довольно хрупкой женщины, приехавшей из крошечного места в Восточной Европе, все это было гигантским испытанием. Но внутри нее еще горели искры жизни, стабильности, выносливости и мудрости, которые, несомненно, поддерживали ее во время беспорядочных перемещений по беспокойному миру. Эти искры она передала своим внукам. Пока дышу, буду думать о ней с невыразимой благодарностью.

БАБУШКА ЖИЛА С НАМИ, И МЫ СЧИТАЛИ ЕЕ ВТОРОЙ МАТЕРЬЮ. В НАШЕМ ПЛЕМЕНИ ОНА БЫЛА СТАРШЕЙ – МАТРИАРХОМ. А ЕЩЕ ОНА БЫЛА ПОХОЖА НА МУДРЕЦА. МЫ ПОЛУЧАЛИ ОТ НЕЕ БОЛЬШЕ СОВЕТОВ И МУДРОСТИ, ЧЕМ ИСКАЛИ.

Она была легендарной личностью. Можно было поверить, что эта женщина способна творить чудеса. Более того, она держалась с достоинством, осознавая свою значимость для нас. Сидеть рядом с ней было большой удачей. Руки бабушки были твердыми: они многое пережили. В них было великое знание. Нам повезет, если когда-нибудь наши руки будут знать хотя бы половину этого. Было почти невыносимо находиться рядом с ней – как будто ты не был достоин этого. Мы вертелись вокруг бабушки, как возбужденный выводок, – всегда у ног. Даже когда я стал выше нее, ничего не поменялось. Обнять бабушку означало быть помазанным: ты уходил, чувствуя себя сильнее. Ее возраст был источником силы, а фальшивый глаз – источником страха.

Она сидела на крыльце и смотрела, как мы играем в мяч на улице. Ей никогда не приходилось ничего говорить нам, не нужно было кричать: «хороший удар» или «отлично поймал». Это принизило бы ее. Она лишь наблюдала. Возможно, она была выше самого языка. Если она и заговаривала, то на идише. Мы вслушивались в каждое слово, как будто никто другой в нашей жизни больше

никогда не скажет ничего подобного, словно она сообщала новые заповеди и говорила нам, как вести себя. В этом она была похожа на ангела.

Помню, как ее хлопчатобумажное домашнее платье касалось моего лица, когда я обнимал ее. Ее руки с кожей, похожей на бумагу, на моей шее. Ее губы на моей макушке. На дне моего старого детского комода она хранила слой белого песка, привезенного друзьями по ее просьбе из поездок в Израиль. Ее черное кресло-качалка стояло слева от крыльца. Помню, как мы с ней слушали радио по средам и четвергам вечером: Пол Уайтмен и оркестр Файрстоуна играют *Rhapsody in Blue*; Мистер Хамелеон; Мистер Кин, *Tracer of Lost Persons*. Наше время наедине. Такие моменты были и в детстве, и во взрослой жизни, и даже после ее кончины – смерти, которая отняла у меня что-то священное, но и оставила после себя нечто сакральное тоже.

Светлые дни

Я еще учился в начальной школе, когда в моей жизни произошли два довольно драматичных поворота. Первый касался дяди Карла. Он был убежденным холостяком, но по еврейской традиции начал ухаживать за моей матерью через несколько лет после смерти отца. Когда мне было десять лет, они поженились.

КАРЛ БЫЛ СТАРЬЕВЩИКОМ. ХЛАМ ТОГДА БЫЛ СЕМЕЙНЫМ ПРИЗВАНИЕМ, И ДАЛЕКО НЕ ГЛАМУРНЫМ ИЛИ ПРИБЫЛЬНЫМ СПОСОБОМ ЗАРАБАТЫВАТЬ НА ЖИЗНЬ, НО КАРЛ СМОГ КУПИТЬ НАМ 182-Й ДОМ НА САРАНАК-АВЕНЮ В СЕВЕРНОМ БУФФАЛО, И ЭТО ИЗМЕНИЛО ВСЕ.

Там был двор, настоящая гостиная и даже телевизор. Дом был очень респектабельным, но не особняком, да и не должен был им быть. Окна кухни выходили на восточную сторону, откуда мы могли наблюдать восход. А через панорамное окно в кабинете было видно, как солнце садится. И я много раз получал от этого удовольствие то из дома, то играя с младшим братом в баскетбол в соседнем парке. После жалкого существования в темных квартирах на протяжении пяти лет мы словно вышли из сумрака на свет. А через три года после нового брака матери родилась моя младшая сестра Бренда.

Карл Гринберг как мужчина стал настоящим примером для подражания, которого меня лишила ранняя смерть отца. Карл был силен и спокоен в равной мере. Из-за его скромности и неразговорчивости я получил лишь отрывочные сведения о бегстве семьи Гринберг из Европы.

В 1934 году, как я узнал, семья переехала из Польши в Кельн, надеясь найти там оплот просвещения и культуры. Два года спустя Карл с горсткой друзей и родственников уехал посреди ночи из дома, пересек Рейн и в конце концов направился в Англию или Соединенные Штаты. Туда он стремился переправить остальных членов семьи, чтобы спасти их. Мой родной отец Альберт и другие пережили мучительное многомесячное путешествие в 1939 году, переходя с места на место, стучась в двери, ища убежища, прежде чем добраться до Парижа и, наконец, мигрировать в Штаты перед нацистским вторжением.

У меня есть лишь воображение, чтобы заполнить пробелы во всей этой истории. Карл очень скупно делился подробностями. Но мне было достаточно, чтобы понять, почему мой первый отец никогда не оставлял привычки оглядываться через плечо и почему удар наконец настиг его в тот день в аптеке в Буффало.

Мощное телосложение Карла – при относительно невысоком росте – было одновременно и результатом, и необходимым активом в деле, связанном со сбором металлолома и мусора. Однажды, например, недовольный служащий швырнул в него кирпич, попав прямо в глаз. Как и в случае с бабушкиным глазом, его тоже заменили протезом.

СТАВ ПОДРОСТКОМ, Я НАЧАЛ РАБОТАТЬ ЛЕТОМ НА СВАЛКЕ КАРЛА. РАБОТА С МЕТАЛЛОЛОМОМ – МУЖСКОЙ ТРУД.

Я только начинал, поэтому проводил большую часть времени, наматывая металлическую проволоку на сотни килограмм тряпья и фиксируя ее на месте, чтобы тюки можно было взвесить и транспортировать. Тряпки воняли мокрой пылью, металл царапал руки, а запирающие механизмы больно прищемляли пальцы. Нам приходилось пользоваться механическим подъемником, чтобы ставить тюки на весы, а затем заталкивать их в кузов грузовика. И тюки лежали там, как гигантские яйца в картонной коробке. Лавка старьевщика собирала и продавала различные металлы, а также тряпки. Иногда мы собирали медные

каркасы кроватей и, пользуясь старым молотком и отверткой, раскалывали и отдирали относительно ценную медь от опор, чтобы продать ее. Мы продали и другие металлы, хотя и за гораздо меньшие деньги.

Карл держал стопку квитанций на тонком металлическом веретене. Почерк у него был грубый, толстый и почти неразборчивый, словно руки не годились для письма. Черные чернила врезались в бумагу, как каналы. Карл почти не разговаривал в лавке, только отдавал приказы короткими очередями. Он говорил мне, куда идти и что делать, и никакого обсуждения, никаких соображений не следовало. Не было никаких встреч, записок или отступлений от четкого распорядка дня.

Летом на свалке стояла жара и отвратительный запах. Единственную тень отбрасывала большая крыша из гофрированного листового металла, нависавшая лишь над одним концом двора. Дальше все было открыто. Запах меди и ржавого металла проникал в нос и легкие, щипал глаза. А жара в летнее время была ужасной.

Отражение солнца от металла походило на лазер. Приходилось быть очень осторожным, иначе острые края металлических листов рассекли бы кожу голеней, как бумагу.

Двое мужчин работали на Карла в лавке старьевщика. Один из них, Артур, был гигантом. Он мог в одиночку поднять обломки металлической мебели и выбросить их в мусорный контейнер. Мне казалось, что он способен на ужасные вещи, хотя и не был жестоким, но я все же держался на расстоянии. Много лет спустя, мчась через аэропорт О'Хара, я случайно столкнулся с Мохаммедом Али – настоящей человеческой глыбой. Таким был и Артур.

Второй мужчина, Дональд, был гораздо меньше ростом, жилистый и мускулистый. Он оказался единственным собеседником на свалке. Однажды он рассказал, что живет в бедной части Буффало и платит за это двадцать пять центов в сутки. Во время обеденного перерыва мы обычно сидели на тротуаре перед свалкой, низко надвинув на нос очки, а на голову – широкополые коричневые шляпы. В жару на улице было тихо. Дональд пил сладкое мускатное вино, но ничего не ел. Я съедал приготовленный мамой бутерброд с тунцом, чувствуя себя неловко, и предлагал ему половину, но он всегда отказывался. Я подозревал, что Дональд просто боялся притупить действие муската, в котором так нуждался.

Карл давал мне пять центов, чтобы я сходил через улицу в маленький магазинчик купить себе газировку со вкусом винограда в качестве угощения. Для меня это было очень важно. Человек, работавший там, Джо Хилл, знал это и всегда был рад меня видеть. Может, он был даже счастлив, видя меня таким довольным.

Наш переход к жизни уважаемого среднего класса на Саранак-авеню означал, что Джоэл, Рут и я сменим школы. И это тоже было шагом вперед – учителя были лучше, возможностей открывалось намного больше, а ученикам не терпелось узнать что-то новое. И я был среди них. Кроме того, одна из моих одноклассниц была прекрасна, как видение.

Я никогда в жизни не видел никого более грациозного, чем Сью, и был загипнотизирован ее чертами лица и невероятным голосом. Я наблюдал за Сью в классе, смотрел, как она идет по коридору со своими друзьями, как едет на велосипеде, и всегда следовал сзади. Само ее существование было похоже на то, как если бы она помахала рукой перед моим лицом, то все сомнения и заблуждения сразу бы исчезли. Подобно Владычице Озера из легенды о короле Артуре, она поднялась из воды в тот день, когда я заблудился в лесу, и сказала: «А теперь слушай».

В действительности Сью, однако, не хотела иметь со мной ничего общего. Она была высокой девушкой с каштановыми волосами, покатым затылком и с большим кривым пальцем (из-за псевдоартроза), что совершенно очаровало меня. Она никогда не здоровалась со мной ни в классе, ни в коридорах. Я мечтал: «Пожалуйста, поздоровайся со мной. Я не могу сделать это первым. Мне страшно. Но если ты это сделаешь, я смогу поздороваться в ответ и даже спрошу: «Где ты живешь? Какие виды спорта тебе нравятся? Ты вообще любишь спорт?» Но она ничего не говорила мне, что было самым разумным, ведь я сам поступал так же.

Одно только упоминание ее имени – Сью – очаровало меня, но оно блекло перед образом самой девушки, выходящей перед классом, чтобы прочитать доклад Бог знает о чем. Кому какое дело? Все, что я мог вспомнить и что будет преследовать меня позже, – это ее спина, плечи, свитер, который она носила: из тела молодой девушки она постепенно превращалась в женщину. И, хотя я был высоким и тоже становился взрослым человеком, но все еще не верил, что это с

нами происходит. Я не мог выбросить из головы мысли о ней и поэтому делал все дела сразу, ведь так у меня не оставалось времени на размышления о девушке, которая, видимо, даже не знала о моем существовании.

В школе я вступал в один клуб за другим. Уже не помню сами занятия, но я погрузился в них со всей энергией и интересом, на которые был способен. После школы я играл в хоккей, бейсбол и баскетбол. Позже, в старших классах, я занялся еще бегом по пересеченной местности и легкой атлетикой. А еще мне нужно было найти время для репетиций со школьным оркестром.

После уроков я учился играть на трубе, считая это крутым. Со временем инструмент стал для меня чем-то благородным, как меч из легенды. Мне нравилось, что инструмент звучал очень громко – возможно, слишком громко для моей семьи, когда я практиковался. Но шум помогал заглушить воспоминания об ужасной тишине нашего прошлого. А в основном я просто чувствовал себя хорошо, играя на трубе.

СОЗДАНИЕ МУЗЫКИ – ЭТО КАК МЕДИЦИНСКИЙ РЕЦЕПТ ПРИ БОЛЕЗНИ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ВЫЛЕЧИТЬ, НО СИМПТОМЫ КОТОРОЙ МОЖНО ОБЛЕГЧИТЬ. МУЗЫКА ПОМОГЛА МНЕ ТОГДА И СПАСАЕТ ДО СИХ ПОР.

Со временем я даже сделал небольшой шаг к тому, чтобы узнать Сью поближе. В восьмом классе мы оба стали финалистами школьного конкурса орфографии, который спонсировала Buffalo Evening News, одна из двух ведущих местных газет. Сью, поднявшуюся первой, попросили написать по буквам «силуэт» (silhouette). Она неправильно написала слово!

Потом настала моя очередь. Возможно, я подчеркнуто сделал все верно, отдавая дань своему хорошо скрываемому обожанию, но я произнес слово правильно и победил. Этот дорогостоящий триумф привел к важному прорыву: я прямо и решительно привлек ее внимание как человек, заслуживающий уважения. Следующей осенью, когда мы перевелись в среднюю школу Беннетта, на второй год между нами начались хоть какие-то отношения. Сью стала воспринимать меня так, как я всегда хотел. Будучи воодушевленным, я даже осмелился пригласить ее на ежегодный благотворительный бал фонда по борьбе с раком. Чудесным образом она согласилась.

Вечером в день бала я подъехал к дому, чтобы забрать ее, нервно постучал в бирюзовую парадную дверь (мое сердце бешено колотилось) и замер. Меня встретила потрясающая молодая девушка. Эта жизнерадостная, лучезарная особа совсем не походила на ту серьезную девушку, которую я знал в классе. Хотя я не отрывал от нее взгляда, она, казалось, не замечала, что я смотрю на нее. Вместо этого Сью взяла меня за руку и пригласила в дом, представив своим родителям, Хельме и Марти Розено, которые тепло приветствовали меня.

Это было только начало. Осенью в выходные мы со Сью иногда отправлялись за город, в яблоневый сад. Некоторые плоды падали на землю, но большинство все еще цеплялось за ветки. В те дни мы оба были совершенно невинны. Гуляя под деревьями, зная, что вечером пойдем на свидание с другой парой (двойные свидания были обычным делом в пятидесятые годы), мы иногда останавливались посидеть и недолго поцеловаться. На свиданиях мы в основном разговаривали... и разговаривали. Обычно мне нужно было многое сказать, разложить по полочкам и упорядочить – такова молодость, ей требуется все объяснить, кто к какой группе принадлежит, понять, куда и как ты вписываешься.

Однажды теплым весенним вечером мы со Сью отправились в небольшой парк развлечений в пригороде Буффало – казино «Глен-парк». Я был в плену рок-н-ролла, и мы хотели увидеть новый дуэт под названием Everly Brothers. Они взлетели на вершину чартов с песней «Bye Bye Love». Мы приехали рано и увидели двух подростков, репетирующих перед небольшой сценой. Они были одеты в облегающие черные брюки и черные рубашки с белыми пуговицами, свободно висящие на их худых телах. Сразу же узнав Everly Brothers, я пригласил их присоединиться к нам позже, чтобы выпить. Сью была немного озадачена, когда они согласились.

После шоу они подошли к нашему столику и неловко сели. Фил, оказавшийся слева от нас, выставил вперед правую ногу и выглядел более напряженным, чем его брат Дон, который, казалось, был счастлив, что ему не приходится поддерживать беседу. Мы с Филом говорили об Элвисе, Джеймсе Дине и рок-н-ролле, и я был в восторге. Сью, предпочитавшей ритмы 1940-х годов, возможно, было менее интересно. И все же это был незабываемый вечер для двух молодых жителей Буффало.

Кульминационным моментом моего детства и юности в Буффало, наиболее отчетливо оставшимся в памяти, был выпускной бал в средней школе. Когда

музыкальное вступление, бетховенская «Ода к радости», завершилось, толпа загудела от предвкушения. Я стоял прямо перед аудиторией, нервничая, моя черная выпускная мантия почти касалась пола, а шапочка с квадратным верхом слегка наклонилась. Семнадцать лет жизни, казалось, достигли кульминации в одно мгновение. Как президент школы, я вошел в аудиторию во главе своих одноклассников и, сделав несколько шагов, остановился. Все взгляды были устремлены на меня. Я подождал, оглядел комнату и улыбнулся, посмотрев на мать. Я чувствовал в тот момент, как она гордится мною, и знал, что у меня есть все.

Запись под именем Сэнфорда Д. Гринберга в ежегоднике 1958 года средней школы Беннетта, Буффало, Нью-Йорк:

Президент старшего класса; президент студенческого совета; президент межшкольного студенческого совета Буффало; заместитель редактора школьного ежегодника; член Зала славы средней школы Беннетта; член Ордена Почетного легиона, закрытого клуба, французского Почетного общества, команды по бегу и легкой атлетике. Король выпускного бала.

Последние семь лет были наполнены солнечным светом, любовью, дружбой, энергией и (на мой взгляд) огромными достижениями. Казалось, что тревоги предыдущих лет с их постоянной нуждой и несчастьями исчезли из моей жизни. Я собирался поступить в Колумбийский университет, и после этого, без сомнения, впереди откроются еще более захватывающие перспективы.

Перед тем как уехать из дома в университет, мы со Сью договорились: чтобы доказать прочность наших отношений, нам нужно встречаться с другими людьми, по крайней мере пока я буду в Нью-Йорке, а она в колледже в Буффало. Это должно было позволить нам убедиться, выдержит ли наша любовь испытание временем. Как оказалось, нашей любви предстояло гораздо более суровое испытание, чем время и расстояние в 640 км.

Обольщение ума

После лета, полного предвкушений, я наконец-то оказался в самолете, следовавшем в Нью-Йорк. Тогда начинались мои студенческие годы. Поздним вечером того же дня, держа в руках свой единственный чемодан зеленого цвета, я прибыл на пересечение Бродвея и 116-й улицы и оказался перед массивными железными воротами, ведущими к главной пешеходной артерии Колумбийского университета – Университетской аллее. Ворота были распахнуты внутрь, словно в знак приветствия, а вдоль дорожки высились две великолепные библиотеки. Настал один из величайших моментов моей жизни. Я уже достаточно хорошо знал «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну»[12 - «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (англ. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come, букв. «Движение Пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном – одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Первая часть была написана автором, когда он находился за свою религиозную деятельность в тюрьме, и опубликована в 1678 году. Вторая часть создана в 1684 году и опубликована в 1688 году. Уже при жизни автора первая часть выдержала 11 изданий общим тиражом более 100000 экземпляров.] Джона Баньяна, чтобы вспомнить: «И вот, когда отворились ворота, чтобы впустить людей, я посмотрел им вслед. И вот город сиял, как солнце; и улицы тоже были вымощены золотом».

Я вошел внутрь, окруженный золотистой дымкой.

Мне хотелось записаться на совместную программу Колумбийского университета и близлежащей Еврейской Теологической семинарии, оплота консервативного иудаизма. Но мое желание изучать свою религию и ее традиции было недолгим, или, может быть, просто светский интеллектуальный климат Колумбийского университета быстро поглотил меня, чего я никак не мог предвидеть.

Как интересно было учиться на факультете, который мог похвастаться такими интеллектуальными гигантами своего времени, как американские историки Аллан Невинс и Генри Стил Коммаджер, эрудиты Жак Барзен («Дом интеллекта», англ. The House of Intellect) и Питер Гэй («Просвещение», англ. The Enlightenment), историк «нового курса»[13 - «Новый курс» (англ. New Deal) – экономическая и социальная программа, проводившаяся администрацией президента США Ф. Рузвельта с 1933 по 1939 год и нацеленная как на преодоление последствий Великой депрессии, так и на структурные реформы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, энергетике и трудовых отношениях.] Уильям Лейхтенбург, социолог Дэниел Белл («Культурные

противоречия капитализма», англ. The cultural contradictions of capitalism, и «Конец идеологии», англ. The End of Ideology), литературный критик Лайонел Триллинг («Либеральное воображение: эссе о литературе и обществе», англ. The Liberal Imagination), социальный философ Чарльз Франкель, классик[14 - Классик – специалист по древнегреческому и латинскому языкам и литературе.] Моисей Хадас, искусствовед Мейер Шапиро и другие научные светила. В семнадцать лет я знал некоторые имена, но едва ли представлял, насколько они богоподобны в своей сфере и сколь скоро я стану им поклоняться.

Каждое утро я выходил из своего общежития, Нью-холла, через уютный внутренний двор. В его дальнем конце большая бронзовая статуя Александра Гамильтона[15 - Александр Гамильтон – государственный деятель США, видный деятель Американской революции. Идеолог и руководитель Партии федералистов с момента ее создания. Автор программы ускоренного торгово-промышленного развития США, 1-й министр финансов США.] охраняла здание, ставшее центром моей интеллектуальной жизни, – старый Гамильтон-Холл. Несколько этажей, ничем не примечательные с архитектурной точки зрения, возвышались над двором. Но несмотря на скучный вид здания, оно принимало в своих аудиториях многие поколения студентов. И, кроме того, будучи знатоком американской истории, я был очарован самим Александром Гамильтоном. Профессор истории Джеймс Шентон, мой научный руководитель, назначал нам занятия, во время которых разбирал произведения Гамильтона, подробно рассказывая о великом отце-основателе, бывшем студентом Колумбийского университета в середине 1770-х годов, когда это учреждение стало известно как Королевский колледж. Теперь, почти два столетия спустя после жизни Гамильтона, я часто останавливался перед его статуей в искреннем благоговении.

В соответствии с традицией библейского еврейского народа остававшимся «чужаком в чужой стране», Гамильтон прибыл из Вест-Индии в штат Нью-Йорк в 1773 году. Несмотря на выдающуюся роль в основании новой нации, он всегда считал себя кем-то вроде чужеземца, зная, что блага его новой родины не станут сразу доступными. Ему придется усердно работать над собой, чтобы, по крайней мере, убедить других людей в своем превосходстве.

ЕГО ГОРЯЧЕЕ ЖЕЛАНИЕ ДОСТИГАТЬ, ДОСТИГАТЬ И ДОСТИГАТЬ БЫЛО
ВДОХНОВЕНИЕМ ДЛЯ МЕНЯ В ПЕРВЫЕ ДНИ УЧЕБЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ И В БОЛЕЕ
СЛОЖНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЗЖЕ.

Когда мы с новыми друзьями грелись на солнышке, болтая возле солнечных часов на Университетской аллее, я часто чувствовал себя неловко и даже немного подавленно. Гамильтон и его коллеги по университету физически и интеллектуально боролись за свободу, а мы лишь пассивно ею пользовались. Кроме будущего самой Америки, существовал ли какой-нибудь идеал или цель, для достижения которой я способен применить такое же рвение, как и Гамильтон? Этот вопрос стал для меня всем. Зачем же еще я зашел так далеко, если не для того, чтобы осуществить нечто великое для себя, для своей страны и даже для всего мира?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Уотергейт» (англ. Watergate) – архитектурный ансамбль в Вашингтоне, включающий отель, два административных здания и три жилых здания. Построен в 1962 году. Расположен между рекой Потомак и Вирджиния-авеню. Стал широко известен после скандала, который привел 9 августа 1974 года к отставке американского президента Ричарда Никсона, единственной в истории США.

2

В своем выступлении в тот вечер Сэнди говорил о том, что вдохновение он черпал у Луиса Дембица Брандейса, чье зрение испортилось во время студенческих лет в Гарвардской юридической школе. Чтобы справиться с этой проблемой, Брандейс нанял сокурсников, чтобы они читали ему. Он тренировал память, впитывая услышанное. А когда его зрение улучшилось, он стал ходить по комнате, стараясь «меньше читать и больше думать». (Луи Брэндайс (англ. Louis Dembitz Brandeis; 1856–1941) – американский юрист, в честь которого назван Брандейский университет. Член Верховного суда Соединенных Штатов с 1916 по 1939 г.)

3

Pro bono – оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям на безвозмездной основе.

4

Лехаим – слово в иудаизме, традиционно произносимое перед тостом. Буквально значит «за жизнь».

5

Центровой (англ. Center), или пятый номер, – позиция игрока в баскетбольной команде. Самый высокий игрок в баскетбольной команде (рост современных центровых, как правило, 210–220 см и постепенно снижается в сторону менее высоких, но более быстрых и координированных игроков), основная задача – игра под кольцом, подбор мяча.

6

Фанк – одно из основополагающих течений афроамериканской музыки. Термин обозначает музыкальное направление, наряду с соулом составляющее ритм-энд-блюз. Формирование фанка началось в 60-х годах в противовес растущей коммерциализации ритм-энд-блюза.

7

Кантор – в синагоге: главный певец псалмов.

8

Таллис – покрывало, надеваемое евреями во время утренней молитвы.

9

Артур Айра Гарфанкел – американский певец, актер, путешественник и писатель, с 1957 по 1970 год выступавший в дуэте с Полом Саймоном под названием Simon and Garfunkel. Все песни для этого проекта писал Саймон, основным вкладом Гарфанкела был его чистый, высокий голос.

10

Шойхет – резник в иудейской общине.

11

Ша?ббат – седьмой день недели в иудаизме, суббота, в который Тора предписывает евреям воздерживаться от работы.

12

«Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (англ. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come, букв. «Движение Пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном – одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Первая часть была написана автором, когда он находился за свою религиозную деятельность в тюрьме, и опубликована в 1678 году. Вторая часть создана в 1684 году и опубликована в 1688 году. Уже при жизни автора первая часть выдержала 11 изданий общим тиражом более 100000 экземпляров.

13

«Новый курс» (англ. New Deal) – экономическая и социальная программа, проводившаяся администрацией президента США Ф. Рузвельта с 1933 по 1939 год и нацеленная как на преодоление последствий Великой депрессии, так и на структурные реформы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах, энергетике и трудовых отношениях.

14

Классик – специалист по древнегреческому и латинскому языкам и литературе.

Александр Гамильтон – государственный деятель США, видный деятель Американской революции. Идеолог и руководитель Партии федералистов с момента ее создания. Автор программы ускоренного торгово-промышленного развития США, 1-й министр финансов США.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grinberg_senford-d/mir-na-oschup-istoriya-o-stoykosti-i-reshimosti-molodogo-cheloveka-poteryavshego-zrenie-iz-za-vrachebnoy-oshibki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)